

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Дорогой читатель!

Спасибо, что взял в руки первую книгу из моего цикла «Искушение судьбы». Это фэнтезийный роман с тяжелым мрачным сюжетом и несколькими любовными интересами. До завершения серии каждая книга будет заканчиваться на клиффхэнгере.

Пожалуйста, имей в виду, что эта серия книг подходит не для всех. Если ты решишь продолжить чтение, приготовься столкнуться с нецензурными выражениями, агрессией, психическим и/или физическим насилием, убийствами, похищениями, вуайеризмом, попытками принуждения к сексуальному акту (не в любовных линиях), смертью, удушением, нанесением увечий, монстрами, богами, мстью, искуплением, разбитым сердцем и другими моментами, которые могут тем или иным образом послужить триггером для кого-либо.

Тем не менее ты также встретишь множество замечательных и странных персонажей, а еще столкнешься с ангстом, романтикой, которая будет разви-

ваться медленно, но в конечном счете приведет и к пикантным сценам, и познакомишься и с остальными персонажами, которые будут постепенно появляться на протяжении всей серии.

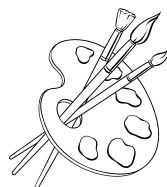
Учитывая все вышесказанное, в книгах могут быть и другие триггеры, которые я могла не упомянуть. Путешествие для нашей главной героини окажется нелегким, но в конце концов будет стоить того.

Или, по крайней мере, нужно на это надеяться.

Давай перейдем...

К Испытанию судьбы?

Элис

ГЛАВА 1

ХЕЙЗЕЛ

Пытаясь как можно тише выйти из дома через заднюю дверь, я невольно вздрагиваю, когда щеколда встает на место. Замираю, еле дыша, ожидая изнутри звука приближающихся шагов.

Тишина.

Я мягко выдыхаю, и этот выдох поднимается в воздух белым облачком пара. Повернувшись, я направляюсь в сад. Земля хрустит под ногами, и я, дрожа от мороза, обхватываю себя руками, пытаясь хоть как-то согреться.

Еще слишком рано для такого холода.

Мельком взглянув на первые проблески утреннего солнца, я замедляю шаг. Нахмурившись, останавливаюсь посмотреть на бархатцы, которые давным-давно посадила мама. Их яркие лепестки покрыты сверкающей корочкой льда.

Оглядываю остальную часть сада, пока продолжает светать, и внезапно осознаю, что все вокруг лежит под тонким слоем инея. На мгновение сердце замирает, а затем я хватаю в руки подол юбки, раз-

ворачиваюсь и бросаюсь бегом вниз по другой тропинке.

Добравшись до огородной грядки, опускаюсь на колени и принимаюсь оценивать ущерб, нанесенный морозом. По всей земле лежат побуревшие и увядшие овощи и травы — их жизнь оборвалась слишком рано. Что делать дальше? Я начинаю размышлять, но никак не могу избавиться от ощущения, будто только что потеряла несколько дорогих мне друзей.

Мерельда убьет меня за это... если только ее не опередит голод.

Я знаю, что это не моя вина, но сильно сомневаюсь, что мачеха будет рассуждать так же. Откуда мне было знать, что заморозки начнутся так рано? Не говоря о том, что начнутся вообще.

До зимы еще практически целых два месяца, да и тогда мороз редко задерживается дольше чем на несколько недель.

Соорудив из подола юбки импровизированную корзину, я встаю и принимаюсь осторожно собирать те овощи, что выглядят уже совсем плохо; не для еды, но для чего-нибудь ведь сгодятся.

Надо будет как можно скорее собрать все те, что еще не погибли, пока их еще можно спасти, но на данный момент с этим придется повременить.

Бросив последний взгляд на мои бедные растения, я разворачиваюсь и по своим же следам на тропинке возвращаюсь через сад обратно на пригорок, а оттуда спускаюсь вниз.

Добравшись до курятника, отпираю дверь и широко ее раскрываю, чтобы куры днем смогли выйти

гулять по двору. Затем принимаюсь разбрасывать по земле те остатки растений, что притащила в подоле; курочки начинают тихонько кудахтать, словно приветствуя и благодаря за утреннее угощение, и на моем лице тут же появляется улыбка. Нырнув внутрь курятника, я собираю и кладу в подол все яйца, что попадают на глаза, — их оказывается совсем немного.

— Ну же, Флоренс, — вздыхаю я, обращаясь к лучшей наседке из всех наших кур. Она начинает квохтать на меня и от досады распушать перья. — Ты же знаешь, что я не могу оставить тебя в гнезде с яйцом без цыпленка, милая моя. Кроме того, сегодня мне практически не из чего готовить завтрак.

Я чувствую себя достаточно виновато, просовывая руку под ее пышную перьевую юбочку и доставая спрятанное яйцо, но в глубине души понимаю, что это для ее же блага, да и для моего в том числе.

Петух пропал несколько месяцев назад, и нам еще предстоит отправиться на рынок за другим. Надо не забыть еще раз попросить об этом отца...

Возможно, если я смогу застать его прежде, чем проснутся все остальные, то он позволит мне сходить на рынок одной. Ведь последнее, что ему сейчас нужно, — это дополнительная работа, а я буду только счастлива хоть раз провести день вне дома.

Нежное утреннее солнышко согревает мое лицо, когда я выхожу из курятника. Я уже опаздываю к началу нашей утренней трапезы, и надо поторопиться: если не успею, мачеха обязательно вставит какой-нибудь комментарий по этому поводу.

Уже представляю, как она хмурится; и мне очень повезет, если этот взгляд станет единственным наказанием.

Мчась обратно в дом, я молю небеса, чтобы она не проснулась и тем более не проверила кухню. Войдя и не обнаружив там никого, вздыхаю с полным облегчением. Как же приятно видеть, что огонь только только начинает прогревать остывшую за ночь печь.

Все еще дрожа от холода, начинаю аккуратно выкладывать на стол драгоценные дары сегодняшнего утра от наших кур-несушек. Полюбовавшись ими некоторое время, я вдруг осознаю, что одного яйца все же не хватает.

Ну что ж, значит, сегодня у меня будет очередной завтрак без яичницы. Придется довольствоваться остатками черствого хлеба, который я пекла несколько дней назад; хотя, может, и кусочек сыра найдется. Ну а если мне совсем повезет, то где-нибудь на дальних полках может даже завалиться одно-два яблока.

От этих мыслей начинает урчать в животе. Этот звук служит лишь напоминанием о том, что прошлой ночью меня отправили спать голодной: Мерельда решила, что рагу из пастернака, которое я приготовила, могло бы быть лучше. Она не разрешила мне даже дожидаться возвращения отца и поздороваться с ним.

Повернувшись, я проскальзываю в маленький чуланчик, чтобы достать ломтик бекона и свой сегодняшний скудный завтрак. Кусочек хлеба, немного заплесневелого сыра и половинку заветрившегося яблока.

Должно хватить.

Взяв кусок ткани, я слегка смачиваю его в прохладной воде, заворачиваю хлеб и кладу греться на шесток у огня. А затем, соскребя слой плесени со своего кусочка сыра, я начинаю грызть его и закусывать яблоком, которое периодически хрустит песком на зубах. В это же время принимаюсь готовить завтрак для остальных членов семьи.

Над столом видит сковородка, которую папа подарил маме в день их свадьбы. Только коснувшись ее, я расплываюсь в улыбке. Именно кухня была маминым любимым местом; солнышко разливалось у ее ног, в то время как она замешивала тесто и напевала сладкие песенки.

Пока призраки прошлого висят в воздухе надо мной, я ставлю сковороду греться на тлеющие угли и разбиваю сегодняшние яйца в миску, а затем взбиваю их с тем молоком, что у нас осталось, чтобы было сытнее.

А ведь когда-то — такое ощущение, что уже целую вечность назад, — этот дом часто заливали солнечный свет и тепло, а комнаты всегда были наполнены смехом и любовью.

Я была слишком мала, когда мама сделала последний в своей жизни вдох. Тогда я не могла в полной мере осознать эту утрату. Она заставила меня пообещать, что после ее смерти я никогда не стану черствой и жестокой к этому миру; и я сделала все возможное, чтобы исполнить ее последнее желание.

Но только когда отец познакомил меня с Мерельдой, которая затем стала его женой, я по-настоящему поняла всю сложность предсмертной просьбы мамы.

Лишь в тот момент полностью осознала, сколько сил потребуется, чтобы оставаться мягкой и чуткой в мире, одержимом желанием сломить тебя.

Слезы застилают мне глаза, но я беру сковороду и аккуратно выкладываю толстые ломтики бекона по внешнему краю, прежде чем снова поставить ее на горячие угли. Мой хлеб как раз размягчился и нагрелся, поэтому я, не отводя глаз от шкварчащей сковороды, начинаю отламывать от него по маленькому кусочку, раз за разом. Перевернув бекон, немного выжидаю, а затем добавляю яичную смесь в центр сковороды; в этот момент меня здесь нет, мысли снова блуждают.

Иногда я задавалась вопросом, насколько другой была бы жизнь, будь мама жива. А что сейчас? Теперь я считаю неслыханной удачей, если мне удастся выкрасть себе хотя бы несколько часов; особенно в те дни, когда отец уезжает по делам — а он, собственно, почти всегда уезжает.

Он клянется, что ни капли не устает от того, что работы стало больше, но я-то вижу, как сильно постарело его лицо. Отец, конечно, никогда в этом не признается, но он из кожи вон лезет, пытаясь обеспечить моей мачехе ту жизнь, к которой она привыкла.

К сожалению, мне приходится нести это бремя вместе с ним, но я все равно никогда не позволю ему узнать, что происходит в доме в его отсутствие.

Как только отец уезжает, Мерельда тут же набрасывается на меня со множеством приказов и поручений, пока сама нянчится с двумя своими *драгоценными* сыночками.

От одной мысли об Амадее и Киприане у меня скручивает живот и пропадает аппетит, поэтому мне даже тяжело доесть свой завтрак.

К счастью, звук тяжелых шагов по лестнице внезапно возвращает меня из лихорадочного вихря мыслей обратно в реальность. Это отец, его шаги я узнаю всегда и везде.

В последнее время он всегда куда-то торопится, его ноги слишком грузно ступают по деревянным ступеням. Интересно, кого из своих клиентов он посетит следующим и какая именно из его книг в прекрасном переплете попадет в их руки?

Раньше он всегда позволял мне читать их, пока сам кропотливо создавал им новые обложки. Сейчас я с трудом могу вспомнить, когда вообще в последний раз держала в руках книгу.

Встав, я спешу поставить сковороду на стол, чтобы подать ему завтрак. Потянувшись за тарелкой, останавливаюсь на полпути и, затаив дыхание, внимательно прислушиваюсь: последуют ли за шагами отца мягкие шажочки мачехи. Молюсь, что нет.

Но надежды не оправдываются. Конечно же, она всегда идет за ним.

Вздохнув, я быстро выкладываю на тарелку немного бекона и яичницы, прежде чем повернуться к кухонной двери.

— ...действительно, Леорик. Ты медлишь каждый раз, когда нужно выходить из дома, и это заставляет задуматься, есть ли тебе вообще дело до нашей семьи. По-настоящему ли ты печешься о нас, — говорит Мерельда, и ее громкий писклявый голос останавливает меня у самой двери.

— Не говори так, дорогая, — отвечает отец голосом низким и тихим, совсем не похожим на ее голос. — Ты же знаешь, что я искренне забочусь о нашей семье. Я всегда делаю все возможное, чтобы обеспечить вас всем необходимым.

— И все же ты опять мешкаешь, — дуется Мерельда. — Ты прекрасно знаешь, что лорд запросит большую скидку, если ты хотя бы опоздаешь с доставкой книги.

Мое сердце замирает.

Он что, уже уезжает? Вернувшись из прошлой поездки, он обещал мне, что побудет дома хотя бы несколько дней.

Поставив тарелку на стол, я спешу выйти попрощаться с отцом и, возможно, положить конец их непонятному разногласию. Я знаю: Мерельда будет не в восторге от того, что я вмешаюсь, но в ее случае абсолютно неважно, довольна она или нет: все равно после отъезда отца будет издеваться надо мной, как только вздумается.

Вытерев руки о подол юбки, я не замечаю, как в очередном потоке мыслей подхожу к двери. В полной прострации я совершенно не замечаю звука приближающихся шагов и осознаю это слишком поздно.

Дверь распаивается, и я натыкаюсь прямо на Амадея. Тихо взвизгнув от удивления, я пячусь назад. Он ловит меня, его рука оказывается на моем предплечье, а на лице появляется ехидная ухмылка.

— Приветик, — говорит он, но в его голубых глазах появляется какая-то дьяволинка; он проводит свободной рукой по своим длинным золотистым волосам, позволяя им на мгновение ниспасть на лицо,

а затем откидывает их назад. — Я как раз начал думать, куда это ты подевалась.

Я уже открываю рот, чтобы потребовать немедленно отпустить меня, но тут мое сердце сжимается, ведь слышно, как открывается входная дверь.

Я должна попрощаться с отцом. Это единственная традиция, которую нам удалось сохранить за все эти годы.

Это единственная вещь, которая помогает мне уснуть ночами, когда его здесь нет... это и еще молитвы, которые я посылаю небесам, прося, чтобы они присматривали за ним во время поездок. И чтобы возвращали его ко мне в целостности и сохранности.

Я не знаю, сколько отца не будет дома в этот раз, и я бы все отдала, чтобы просто побыть с ним хотя бы мгновение, прежде чем он уедет. Всего несколько секунд — это все, что мне нужно, чтобы продержаться до его возвращения.

— Отпусти меня, — требую я, пытаюсь сделать голос жестче, чем он есть на самом деле.

Его ухмылка становится только шире.

— И не подумай.

Он произносит это, и в его глазах тут же появляется жуткий блеск, от которого у меня внутри все моментально переворачивается. Он крепко сжимает мое запястье, притягивая меня ближе, словно заявляя свои права.

Как будто я когда-нибудь буду ему принадлежать, ну конечно.

Во мне начинает разгораться гнев; я выпрямляюсь во весь рост, каким бы низким он ни был. Но Амадей все еще значительно выше меня, хотя

и не настолько, чтобы возвышаться надо мной так, как ему хотелось бы.

Встретившись с ним взглядом, я гневно прищуриваюсь.

— Отпусти, или я закричу, — шепчу я. — Думаешь, они не услышат меня отсюда?

— И что? Можно подумать, они поверят тебе. Твое слово в сравнении с моим — ничто.

Услышав эти слова, я на мгновение теряю дар речи. Ведь это чистая правда. Правда, которая ранит сильнее ножа.

— Мне, по крайней мере, не нужно прятаться за мамкину юбку, чтобы заставить людей поверить мне.

— Я *ни за кем* не прячусь, — шипит Амадей; с яростным блеском в глазах он поднимает подбородок в попытке казаться еще выше.

Спустя секунду я решаю прикусить язык, осознав, что сейчас сделала себе только хуже.

— Я... я не то имела в виду... — начинаю я, но слова обрываются в тот момент, когда он подносит другую руку к моему горлу. Мои глаза расширяются от удивления, когда он толкает меня назад, все дальше и дальше в кухню, пока я не оказываюсь прижатой к холодной каменной стене со скрученными за спиной руками.

— Похоже, что я сейчас прячусь за чью-то юбку, а сестренка? — усмехается он, скользя взглядом вниз. — Жаль, что ты не в моем вкусе. А то бы я такое с тобой сделал. Ты бы потом *умоляла* о продолжении.

Он сжимает мое горло еще сильнее и подается вперед; я издаю вздох и чувствую, как его причинное

место касается меня. Мои щеки начинают гореть, а он, ухмыляясь, смотрит на меня сверху вниз. И тут я осознаю, что между нами нет практически никакого расстояния.

— ...правда, Мерельда, — вдруг раздается раздраженный голос отца. Наше внимание тут же переключается на дверь, из-за которой доносится его голос. — Хейзел будет переживать, если я не попрощаюсь с ней.

— Чепуха, — говорит Мерельда с холодной насмешкой. — Она уже девочка взрослая. Ты своей чрезмерной любовью ее только избалуешь. Представь, какие у нее потом будут запросы к мужчинам! Пойдем, повозка уже готова. Вот лучше, возьми, это средство сотворит чудо с твоей кожей у глаз, когда предстанешь перед лордом. И поспеши, не заставляй тебя ждать.

— Ну, это займет всего минуту.

Мерельда топает ногой и издает недовольный звук. Я прямо вижу, как она стоит, надув губы и скрестив руки на груди, словно капризный ребенок.

Вот интересно, она знает, что Амадей сейчас здесь, со мной, или же просто хочет, чтобы отец убрался из дома как можно быстрее, чтобы она могла поскорее начать командовать?

— Неужели тебе недостаточно попрощаться со своей женой, Леорик? Разве меня тебе мало?

Голос Мерельды звучит так душно, что я вся съеживаюсь. Амадей, кажется, чувствует мой дискомфорт, ведь его ухмылка становится еще шире, и он еще плотнее прижимает меня к стене.

— Ладно, — вздыхая, произносит отец. — Хейзел! Я уезжаю, если ты меня слышишь, подойди попрощаться.

Я уже собираюсь ответить, но не успеваю: Амадей тут же затыкает мне рот рукой. Его пальцы впиваются в ямочки на моих щеках. Сердце разрывается, ведь отец ждет. Молчание затягивается на несколько секунд, но я не могу ничего сказать из-за этого отморозка рядом. Полная разочарования, я из последних сил пытаюсь сдержаться, чтобы не заплакать.

— Вот видишь, — говорит Мерельда, — девочка уже слишком взрослая для таких глупостей. А теперь давай уже, иди.

Проходит еще секунда, и я слышу, как открывается и затем закрывается тяжелая входная дверь. Отец уезжает, а я даже не попрощалась с ним.

Я извиваюсь, пытаюсь выбраться из тисков Амадея, но он лишь издает легкий смешок и наклоняется ко мне — я чувствую на лице его горячее дыхание.

— Знаешь, — шепчет он, проводя большим пальцем по моей нижней губе, — теперь, когда мы, наконец, остались одни, может, ты все же и в моем вкусе.

Не в силах это терпеть, я пользуюсь шансом и кусаю его за руку.

Очень сильно.

— Ах ты *сучка*, — вскрикивает Амадей, отскакивая, и принимается рассматривать укус на руке. При виде этого мои губы растягиваются в довольной улыбке. Как вдруг раздаются шаги.

Мерельда распахивает дверь. Ее светлые с желтоватым отливом волосы уложены в высокую модную

прическу. Она довольно молода и красива, но каждый раз при виде меня ее лицо становится таким перекошенным, что эту красоту и молодость сразу и не заметишь.

Едва взглянув на руку своего сына и красное пятно в форме зубов, Мерельда бросается ко мне через всю кухню. Я открываю рот, чтобы попытаться что-то объяснить, но не успеваю, как она со всего размаху лепит мне пощечину. Удар такой силы, что я падаю на колени. На глаза наворачиваются слезы.

— Как ты *смеешь* калечить его, ты, неблагодарная маленькая крыса, — выпаливает она. — Похоже, в последнее время я была слишком снисходительна к тебе. Заканчивай с завтраком — и бегом убираться в сарае. Ах да, и не забудь про огород, а то сорняки последние овощи задавят.

Сдерживая слезы, я с трудом сглатываю и киваю в ответ. Чем скорее я приму наказание, тем быстрее смогу уйти. Мерельда прищуривается, и на мгновение, пока мне кажется, что она раскусила мой план, я начинаю нервничать.

Но затем она разворачивается и направляется к кухонной двери.

— И не забудь, сегодня на ужин должно быть подано мясо, — добавляет Мерельда, останавливаясь, чтобы оглянуться на меня, прежде чем окончательно покинуть кухню.

Я морщусь, осознавая, что это значит потерю еще одной курицы, учитывая, что в ближайшее время вылупление новых цыплят явно не предвидится. И все же я, не теряя времени, поднимаюсь с колен,